

А. А. Корольков

Константин Леонтьев и судьбы культуры

Константин Николаевич Леонтьев по-пифагорейски благоговейно относился к гармонии чисел, он подметил особенный смысл всех круглых десятилетий своей жизни: 1831 — рождение; 1851 — год первого писательского сочинения, одобренного великим И. С. Тургеневым; 1861 — женитьба, сыгравшая не последнюю роль в его духовных раскаяниях; 1871 — самый существенный год его жизни, год прозрения, когда Константин Леонтьев сделал первый шаг к монастырю, к религиозно-философскому творчеству; 1881 — потеря родового имения в с. Кудинове Калужской губернии; 1891 — этот год стал последним в жизни мыслителя и писателя, но не последним в угаданном им мистическом ряду биографических дат.

Минуло ровно столетие с года смерти Константина Леонтьева и соответственно 160 лет с момента его появления на свет, и именно в 1991 г. впервые за всю послеоктябрьскую историю России стало стремительно нарастать внимание к мыслителю; из забытого, неузнанного он за один год стал известным для всякого гуманитарно и религиозно образованного человека.

В январе 1991 г. Калуга приветила участников конференции, приуроченной ко дню рождения Леонтьева. Немного нашлось специалистов — философов и литературоведов, способных всерьез говорить о жизни и творчестве К. Н. Леонтьева, но тон глубокому обсуждению наследия Леонтьева задала группа студентов философского факультета Московского университета. Духовное становление мыслителей конца XX столетия не случайно началось с изучения творческого наследия такого русского мыслителя прошлого, который и личной судьбой, и пророчествами, и способом философствования оказался близок новому поколению думающих людей, стремящихся понять изломанную судьбу России, законы деформации культуры, коллизии прогресса и противоречия демократических свобод.

Нестандартность мыслей Константина Леонтьева, шокировавшая современников, подтвердилась историческим развитием национальных европейских стран, и особенно России. Если уж толковать о достоверных прогнозах исторического развития, то такие прогнозы удалась более всего Леонтьеву, и масштабная их реализация трагически разворачивается во всем мире.

Вот тут-то и обнаруживается, что русские философы так называемого Религиозного ренессанса, первыми оценившие значительность религиозно-философских исканий Леонтьева, все-таки не угадали его судьбы, назвав «одиноким мыслителем», способным в будущем обрести едва ли двух-трех учеников. Снисходительно относился к Леонтьеву даже его проницательный современник Вл. Соловьев, хотя он откликнулся на просьбу В. Розанова и написал статью о Леонтьеве для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. Вряд ли нынче кто-либо из пишущих о Леонтьеве начнет энциклопедическую справку так, как начал ее Вл. Соловьев: «Леонтьев (Константин Николаевич, 1831—91) — публицист и повествователь, оригинальный и талантливый проповедник крайне консервативных взглядов». Первая фраза статьи для энциклопедии — самая ответственная, ключевая и оценочная, в ней Соловьев не рискнул написать бесспорные для конца XX в. слова: «Выдающийся мыслитель».

Истекшее столетие развитием мировых событий, национальной трагедией России испытало истины, которыми не располагали философы прошлых столетий, но истины, добытые событийным течением истории, — не высший тип мудрости, сами по себе факты жизни дают немного, если не становятся основой для рефлексии и прозрений: старость не несет автоматически умудренности.

XX век как никакой другой преуспел в самомнении и эгоцентризме. Массовая научно-техническая образованность, усредненная грамотность (грамотократия), помноженные на атеистическое высокомерие, создали иллюзию, что нынешние поколения превзошли прошлые в знаниях, мышлении и в чувствах. Масштаб научно-технических изобретений переносится на все оценки исторического бытия, и тысячелетние духовные споры, поиски истолковываются как череда иллюзий. Присмотритесь к нынешним философским, историческим, литературно-критическим и публицистическим текстам — они пестрят всякого рода похлопываниями по плечу мыслителей, писателей, государственных деятелей прошлого: «он прав», «он, безусловно, ошибался» и тому подобными фразами. Учитывая этот отрицательный опыт, не стану давать оценку публикуемым текстам.

Жанр предисловия в наибольшей степени подвержен синдрому арбитра, возвысившегося над представленными в книге авторскими позициями столетней давности, тем более что речь идет о таких известных мыслителях, как Вл. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, В. В. Розанов, Н. А. Бердяев, Д. С. Мережковский, высказавших в свое время мнение о Константине Леонтьеве.

Предисловие пишется в 1995 г., это не 1991 г., когда требовалось познакомить читателей с биографией и идеями Леонтьева и приходилось предугадывать вспышку интереса к творчеству мыслителя, теперь уже состоявшуюся¹.

Нынче произошло второе открытие Константина Леонтьева. Первое принадлежало его немногим, но преданным ученикам, успевшим вступить в духовное общение с оптинским насельником, и несколькими русским философам, которые при явном критическом отношении к мировоззрению Леонтьева почувствовали меру его таланта и силу идей, перечеркивающих все общераспространенные мнения.

На рубеже XIX—XX вв. не находилось еще прозорливцев, оценивших гениальную точность хотя бы названия работы Леонтьева: «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения». Только через полвека пришлось ко времени книга О. Шпенглера «Закат Европы», а ко второй половине XX столетия уже десятки философов, социологов, психологов повествовали об угрозе усредненного сознания, о крушении традиционности, утрате национального лица европейских стран, о массовой культуре.

Обостренное эстетическое чувство Леонтьева позволило ему узреть то, что не могли еще почувствовать самые способные и самые образованные люди, — что главный «вопрос дня» в смешении или несмешении, быть или не быть? Сохранится ли своеобразие наций, культур, государств в условиях нарастающего движения Европы к однообразию культурных идеалов, учреждений, моды, политических устройств, личных стремлений? Все и вся тяготеют к простому среднему буржуазному типу; всеобщее же смешение, унификация — это путь к смерти государств, наций, культур.

Константин Леонтьев страшился такого исторического развития России, которое увлекло бы ее на антикультурный, гибельный путь. Он надеялся на государственную силу России, на цветение всех форм ее жизни, но не мечтал о всеобщем благоденствии,

¹ *Корольков А. А. Пророчества Константина Леонтьева. СПб., 1991.*

всеобщей любви, о рае на Земле, ибо такие идеалы противоречат и представлениям о Богочеловечестве, и возможностям совершенствования человека через беды, опасности, нравственную борьбу.

Леонтьев испытал соблазны жизни красивого, преуспевающего дипломата, воздал хвалу эстетике жизни, которую ценил больше, чем эстетику искусства. Долгое время, вплоть до сорокалетия, он, не таясь, вызывающе пренебрегал порицаниями телесной греховности, точнее, не считал грехом естественные проявления своей чувственности, упоения красотой восточных женщин. Язычество Константина Леонтьева не опускалось до пошлости, он всегда был открыт чистейшим лучам высших идеалов². Угаданное еще детским подсознанием стремление к монастырю (мать Леонтьева вспоминала, как он при первой поездке в Оптину пустынь, совсем еще ребенком, воскликнул: «Вы меня больше сюда не возите, а то я непременно тут останусь»), это стремление укрепилось в пору смертельной болезни, почти созрело в общении с афонскими старцами и окончательно овладело им в последние четыре года жизни. Монашество — это аскетизм, подвижническая суровая жизнь, доступная немногим, ибо православие допускает посильную меру служения Богу для каждого и не настаивает на максимализме. Леонтьев же, при исключительном жизнелюбии, сумел дойти до разрыва с мирскими ценностями. Современному человеку, особенно молодому, поучительно проследить извивы и взрывы судьбы Константина Леонтьева, ведь мы все в большей или меньшей степени поглощены потоком жизни и редко заглядываем за края этого потока. Нашими кумирами стали свобода, раскованность, демократизм, общечеловеческие ценности. И тут-то неожиданно отрезвляет нас предостерегающий голос Леонтьева, раздающийся из прошлого столетия: «Все менее и менее сдерживает кого-либо религия, семья, любовь к отечеству, — и именно потому, что они все-таки еще сдерживают, на них более всего обращаются ненависть и проклятия современного человечества. Они падут — и человек станет абсолютно и впервые “свободен”. Свободен, как атом трупа, который стал прахом»³.

Леонтьев предугадывает наши стереотипы поведения и обольщение идеалами, приводящими к падению культуры, государственности, личности. Логика развития Европы уже не позволяет,

² *Никольский Б. В.* К характеристике К. Н. Леонтьева // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. СПб., 1911. С. 369.

³ *Леонтьев К. Н.* Византизм и славянство // Собр. соч.: В 9 т. М., 1912. Т. 5. С. 199.

по убеждению Леонтьева, надеяться на новых Рафаэля, Гете, Байрона. Нет больше мощных взлетов к небесам; судьба европейских народов тревожна, несмотря на внешнее материальное благополучие. Они сами начинают отвергать и отторгать собственную культуру; с горечью он предостерегал о возможности подобного отношения к святыням и национальной культуре в России. Более того, он с тревогой констатировал распространяющееся в России опьянение идеями социализма, равенства, прогресса, безбожия. Он видел, как растет ненависть к сословности, как рабочие и интеллигенция становятся безнациональными, открывая дорогу преждевременному для России смесительному упрощению, где не будет основных скреп культуры, государственности, нации. Единство в разнообразии — вот что обеспечивает цветение культур и народов, а мы устремились к равенству, демократии, свободе, к мнимым ценностям. «Культура — это своеобразие, а своеобразие нынче повсюду гибнет, преимущественно от политической свободы. Индивидуализм губит индивидуальность»⁴.

То различие между понятиями «культура» и «цивилизация», которое открылось мыслителям XIX столетия, фактически было обрисовано Леонтьевым. Можно достигнуть сколь угодно причудливых изобретений в технике, открытий в математике, но эти достижения и знания безнациональны, в них нет жизни, душевного тепла, такие знания — вне духовной культуры, они вне личностного бытия. Средний человек, усредненное человечество не дадут ничего, кроме обезличенности, пошлости, серости. Без национального своеобразия, без разнообразия можно быть огромной территорией с большим количеством населения, но не великой нацией и великим государством. Для Леонтьева нет ничего страшнее и печальнее, чем превращение человечества в аморфную, бесцветную массу. Сможем ли мы продлить красоту человеческой истории, или исчезновение национального быта, религии, высокого искусства приведет к тому, что человечество погрузится во мрак разложения, бездуховной суеты, где будет глумиться Антихрист?

«Тот народ наилучше служит и всемирной цивилизации, который свое национальное доводит до высших пределов развития, ибо одними и теми же идеями, как бы они ни казались современникам хорошими и спасительными, человечество постоянно жить не может»⁵. Эту мысль многократно повторял Константин Леонтьев, но он не смог предостеречь либеральную

⁴ Там же. С. 147.

⁵ *Леонтьев К. Н.* Грамотность и народность // Собр. соч. Т. 7. С. 42–43.

и революционную интеллигенцию от гибельных для нее самой шагов в сторону уравнительного эгалитарного прогресса. Он желал «подморозить Россию», чтобы уберечь ее, ибо он хорошо знал, что отказ от национальных традиций, в том числе от своеобразия государственности и культуры, способен привести к исчезновению самих государств, а затем и народов как народов своеобразной культуры. Не сбывается ли на наших глазах это трагическое предсказание Леонтьева?

Константина Леонтьева принято называть русским религиозным философом. Историки русского богословия всегда включают Леонтьева в свои обзоры, но немного найдется серьезных исследований о христианском мировоззрении мыслителя. Известна лишь одна фундаментальная попытка включить парадоксальные мысли и поиски К. Н. Леонтьева в историческую ткань православия — это в диссертации священника К. Аггеева, опубликованной отдельной книгой⁶. Органическую связь взглядов К. Леонтьева с основами православия многократно отмечал в своих статьях также священник И. Фудель. Чаще же в трудах богословов превалирует критическая тональность в отношении религиозных взглядов Леонтьева. Я подчеркиваю отношение к Леонтьеву именно русского духовенства, а не религиозных философов, которых священники рассматривают как в той или иной мере отступников от святоотеческих преданий православия.

Константин Леонтьев был безразличен к догматическим богословским спорам, столь же равнодушен он был и к свету разума, исходящему от религии. Художника мысли не трогал и нравственный императив, предполагающий ответственность перед этическим догматизмом. Все это не могло не вызывать отрицания среди последовательных богословов. «У Леонтьева всего неприятнее именно этот постоянный привкус двусмысленности... Нет, *не истины* искал он в христианстве и в вере, но *только спасения*, — писал Г. Флоровский, едва ли не самый глубокий исследователь истории русского богословия. — В истории Леонтьев не видел религиозного смысла, в истории он оставался эстетом и биологом, и тем вполне удовлетворился»⁷.

В приведенном критическом суждении протоиерея Георгия Флоровского невольно звучит то, что как раз привлекает к личности и творчеству Леонтьева современных людей, отлученных от Бога, погруженных в сомнения одиночества, доверившихся

⁶ Аггеев К. Христианство и его отношение к благоустроению земной жизни. Киев, 1909.

⁷ Флоровский Г. Пути русского богословия. 4-е изд. Париж, 1988. С. 304.

разумности научных истин и одновременно разочарованных во всемогущей науке. Константин Леонтьев интересен нам не только идеями, заложенными в его текстах, но и духовным путем, своей мятущейся душой, погруженной в противоречия, столь близкие современным поколениям.

Леонтьев жил сложно, но был избавлен от метаморфоз более поздних религиозных мыслителей, переходящих от марксизма к идеализму и к веховским запоздалым раскаяниям. Выдающиеся современники Леонтьева, как его ровесники, так и почти юности, пытались распознать сложный мир леонтьевских мыслей и примерить их к собственному мировоззрению. Их восприятие философа помогает и нам прикоснуться к этому неразгаданному феномену, имя которому — Константин Николаевич Леонтьев. Искренность и глубина их суждений, надеюсь, поможет читателям не увлечься «окололеонтьевским» мусором, которым начал полниться нынче русофобский информационный рынок. 18 сентября 1993 г. радио «Немецкая волна» устроила обструкцию России, призвав в союзники кое-какие фразы Леонтьева. Отсюда и получилось эстрадное ерничанье типа: «Леонтьев желал подморозить Россию, чтобы не пахла». Бойкие журналисты, забыв обо всем, что написал Леонтьев о разложении Европы, подчеркнуто восхищались единственным, с их точки зрения, достоверным предсказанием мыслителя — что Россия погибнет. Реальный Леонтьев знал о гибели любых культур, прошедших исторические циклы развития, но он верил, что срок России еще не наступил, он верил в расцвет культуры России, несмотря на все потрясения, подготавливаемые его прогрессистски мыслящими современниками. Константин Леонтьев искал личного спасения в Христе, спасение России он также видел в византизме, в православии.

